

К дому семьи Ван пришли более двадцати человек.

И никто не явился с пустыми руками: у кого — старая курица, у кого — утка, а кто-то принёс даже редкость — целых десяток яиц.

Все дарили то, что в это время года считалось особенно ценным.

У ворот гостей встречала жена Чэнь Цяна. Она выстроила всех в очередь, принимала подарки, записывала их в учётную книгу и при этом весело болтала:

— Не волнуйтесь! У всех будет по надписи! Как только те, кто внутри, выйдут — вы сразу заходите. Всё будет в порядке!

Кто-то спросил:

— Сестра Чэнь Цян, а хватит ли бумаги для письма?

— Хватит, хватит! — заверила она. — Ещё до Нового года закупили: лучшая красная бумага с киноварью, юйбаньсюань! Не переживайте, всего вдоволь!

На самом деле, бумага юйбаньсюань никогда не бывает красной — но кому какое дело? Звучит же очень солидно — «красная бумага высшего сорта»!

Все эти люди — жители Ляньхуаао — пришли просить цзюйжэня Вэнь Жуня написать для них новогодние парные надписи (дуйлянь) и иероглиф «фу» («счастье»).

Вэнь Жунь сидел в кабинете, прямо и достойно. Чэнь Сюй зажигал благовония и растирал тушь.

Два младших брата нарезали красную бумагу — её заготовили заранее, ещё до праздника.

Работники уже были в отпуске, но у ворот хозяйничала жена Чэнь Цяна, а тётушка Цуйхуа присматривала за маленькой Ван Мэй.

Хотя работники и отдыхали, они всё равно пришли за надписями и «фу», принеся с собой подарки. При прощании Вэнь Жунь вручил каждому красный конверт с деньгами.

В каждом конверте была одна гуань — тысяча медяков, что равнялось одному лянну серебра.

Это был особый подарок. Работники совсем недавно поступили в дом, и такой щедрый «хунбао» привёл их в восторг.

Поэтому и сами они старались принести что-нибудь особенное.

Они знали, что у хозяев нет недостатка в вещах, но, возможно, не хватает некоторых зимних заготовок: например, рисовых пирожков няньгао или домашней сладкой рисовой пасты с лотосом, а то и просто жареных каштанов.

Такие угощения особенно порадовали жену Чэнь Цяна:

— Вот это да! Отлично, отлично!

Это был первый Новый год в их доме, и кое-чего действительно не хватало — теперь же добрые соседи всё восполнили.

Вэнь Жунь, сидя с прямой спиной, брал кисть и писал на красной бумаге парные надписи. После вертикальных строк он добавлял поперечную надпись (хэмпэй), а затем выводил несколько иероглифов «фу».

Семья тофу Лю заказала дополнительный экземпляр — ведь они торговцы, и для них особенно важны благоприятные символы.

— Гэфу, а это какой иероглиф? — удивились братья. — Похоже на четыре знака сразу!

Чэнь Сюй тоже заинтересовался:

— Я часто вижу, как его вешают в лавках, но что это за знак?

— Это составной иероглиф «чжао цай цзинь бао» («привлекай богатство и сокровища»), — объяснил Вэнь Жунь, пользуясь случаем для обучения. — Он читается как «чжао цай цзинь бао», просто все четыре иероглифа объединены в один. Такие составные знаки обычно читаются быстро, как единое словосочетание.

Трое детей кивнули, хоть и не до конца поняли.

— Отличный знак! Просто замечательный! — Лу Дагэ (старший из семьи Лю) сиял от счастья.

Он пришёл вместе с Лю Санем. Лю Сань принёс старую курицу, а Лу Дагэ — домашние рисовые пирожки няньгао.

— Вы, Лу Дагэ, разве грамотны? — удивился Вэнь Жунь. — Как же вы поняли, что надпись хорошая?

— Нет, не грамотен, — покачал головой тот. — Просто чувствую — значение у этого знака отличное!

Вэнь Жунь улыбнулся:

— Главное — чтобы вам понравилось. Этот знак я дарю вашей семье. Вы ведь держите тофу-мастерскую, а как говорится: «Три самых тяжёлых ремесла на свете — судходство, кузнечное дело и производство тофу». Вам нелегко приходится. Надеюсь, в следующем году будет лучше, чем в этом.

— Спасибо, спасибо! — Глаза Лу Дагэ наполнились слезами от волнения. Он низко поклонился и, вместе с Лю Санем, бережно унёс красные листы из дома Ван.

По дороге домой он рассказывал семье:

— Все говорят, мол, мы держим тофу-мастерскую, а младшего брата отправили в работники к другим — дескать, чтобы зарабатывать. Но ведь и в мастерской нелегко! Лучше бы он остался работать у старшего Вана!

— И правда! — подхватил Лю Сань, смеясь. — У господина я даже поправился!

На самом деле, он прибавил всего на пять-шесть цзиней. Просто раньше был слишком худым, а теперь лишь достиг нормального, здорового телосложения.

Хорошо ел, тепло одевался, работал не так много — естественно, окреп. О «полноте» речи не шло.

Но раз он так сказал, все решили, что он действительно немного поправился.

— И цзюйжэнь ещё знает, какая у нас тяжёлая работа! — Лу Дагэ вытер слезу. — Сказал, что в следующем году будет лучше!

Слова Вэнь Жуня согрели сердца всей семьи Лю, особенно жену Лу Дагэ. Она, обычно самая язвительная и острая на язык в деревне, теперь и рта не могла раскрыть — только про себя поклялась: отныне будет особенно заботиться о семье Ван.

Вэнь Жунь просидел в кабинете весь день, написав бесчисленные парные надписи и иероглифы «фу». Благодаря обширным знаниям, новогодние дуйлянь ложились у него на бумагу легко и свободно — как будто он их только что выдумал.

И для каждой семьи он писал что-то своё.

Для домов, где жили старики и дети, он выводил поперечные надписи вроде «Пять поколений под одной крышей» или «Дом полон потомков».

Для молодых семей с детьми — парные строки с пожеланиями лучшего будущего.

Ведь в эту эпоху строго соблюдалась иерархия: простые крестьяне могли использовать только такие скромные формулировки.

Надписи вроде «Небо и земля цветут весной» или «Государство процветает, народ спокоен», популярные в его прошлой жизни, были прерогативой императорского двора.

Дома чиновников могли позволить себе что-то вроде «Широкие перспективы» или «Каждый шаг — выше и выше».

А простым людям такое было строго запрещено. Максимум — скромные благопожелания, и надписи получались довольно обыденными.

Особенно многодетным семьям Вэнь Жунь давал больше надписей.

Например, семье Чэн, где народу было немало и, наверняка, частенько возникали бытовые ссоры, он написал поперечную надпись из пяти иероглифов: «Когда в семье лад — всё идёт удачно!»

Соседу дядюшке Яну подарки несли не за надписями — Вэнь Жунь утром первым делом написал дуйлянь и «фу» для своего собственного дома, второй комплект — для семьи Яна, третий — для старосты Чжана.

И только с четвёртого двора начал писать для остальных односельчан.

Пока писал, он заодно обучал трёх мальчишек:

— Дуйлянь — вещь серьёзная. Простые люди могут просить лишь о благополучии, счастье и «пяти благах». Использовать что-то большее — значит нарушить порядок.

В древности сословные границы были железными, а нарушение этикета (цзянььюэ) считалось тяжким преступлением.

Хотя Вэнь Жуню лично было всё равно, он жил в этом мире и вынужден был соблюдать его правила.

— Поняли, — кивнули мальчишки, внимательные и послушные.

Вэнь Жунь также объяснял им, что именно пишет.

— Смотри-ка, это для... Ма Саня? — удивился он. Среди просителей оказался даже Ма Сань.

В Ляньхуаао, где всего двадцать с лишним дворов, Ма Сань был единственным холостяком — да ещё и известным бездельником.

Но сегодня, в канун Нового года, он явился прилично одетым: одежда на нём была на восемь десятых новая, волосы аккуратно причёсаны — выглядел даже довольно прилично.

Что неудивительно: будь он совсем уж неприглядным, его давно бы выгнали из деревни.

— Цзюйжэнь Вэнь! — Ма Сань неуклюже сложил руки в поклоне. Никто, конечно, не стал его поправлять: простые люди и не знали, как правильно кланяться. Если бы не Вэнь Жунь учил детей, а дети — родителей, никто в деревне и архаичного «гуншоу» (поклона с соединёнными руками) не знал бы.

Обычно они просто кланялись, кланялись глубже — или падали на колени и били лбом в землю.

То, что Ма Сань хотя бы попытался сделать «гуншоу», видимо, подсмотрел у детей и скопировал как попало.

— Брат Ма Сань, — вежливо ответил Вэнь Жунь. Ма Саню почти тридцать — в его возрасте у других детей уже женили.

— Я пришёл попросить пару надписей, — сказал Ма Сань, но глаза его бегали, будто он что-то замышлял.

Вэнь Жунь не стал вникать в его планы — ворота дома Ван не так-то просто было переступить:

— Хорошо.

Он взял кисть и написал:

Верхняя строка: Много работаешь — много получаешь, все радуются.

Нижняя строка: Богатый урожай — сладок каждый год.

Поперечная надпись: Богатство приходит через труд.

Трое мальчишек тут же прикусили губы, сдерживая смех.

Ма Сань не умел читать, и Вэнь Жунь прочитал ему вслух. Тот покраснел до корней волос и, схватив бумагу, пулей вылетел из дома.

— Гэфу, с ним не надо церемониться, — весело сказал Ван Цзюэ. — Брат Ма Сань в целом ничего, только уж очень ленив. Пришёл к нам «погреться у чужого очага»! В те времена, когда нас троих оставили одних, мы его страшно боялись — вдруг ворвётся в дом! К счастью, он только у ворот крутился, схватил пару овощей — и сбежал.

— Он вас не обижал? — спросил Вэнь Жунь. Он знал, что Ма Сань — бездельник, но тот ведь и помогал им. У таких людей, хоть и дурная слава, есть и плюсы: с ними никто не хочет связываться, боясь, что он устроит скандал — а жить-то надо!

— Не то чтобы обижал... — Ван Цзинь склонил голову, размышляя. — Кажется, он нас и не трогал?

Припомнив хорошенько, они поняли: и правда, не трогал.

Но Ван Цзюэ вдруг вспомнил:

— Когда старший брат только ушёл, ходили слухи, что в округе завелся старый волк... И с тех пор Ма Сань часто стал здесь околачиваться.

У Вэнь Жуня мелькнула догадка, но в этот момент вошёл следующий гость — и он снова склонился над бумагой.

Так прошёл весь день. К вечеру все надписи были готовы, гости разошлись, и Вэнь Жунь наконец смог отдохнуть.

На обед подали жареные фрикадельки, рисовые пирожки няньгао и суп из утки с имбирём — отличное средство от холода.

Во время дневного перерыва Вэнь Жунь даже угостил нескольких задержавшихся гостей сладостями и закусками.

А ужин был особенно роскошным — ведь к нему готовились несколько дней, и блюда получились превосходными: жареные фрикадельки и хрустящее свиное филе, «локоть Дунпо» и цыплёнок «байчжаньцзи».

— Гэфу, — Ван Цзюэ, как настоящий «почемучка», не выдержал, — ты в кабинете говорил брату Лу, что «три самых тяжёлых ремесла — судоходство, кузнечное дело и производство

тофу». Почему именно эти три?

Он весь день ждал возможности задать этот вопрос!

— Это поговорка, — объяснил Вэнь Жунь. — «Три великих труда на земле: грести лодку, ковать железо и молоть сою». Эти три занятия требуют постоянного напряжения — ни на миг нельзя остановиться. Подумайте: даже в поле можно передохнуть, а здесь — ни на минуту!

— Ага! — Ван Цзюэ прозрел. — Эти три дела действительно нельзя прерывать!

— Вот почему это самые тяжёлые ремёсла! — тоже понял Ван Цзинь.

На следующий день наступал Новый год, а вечером — канун Нового года, Чуси.

Все в доме переоделись в новую одежду. Вэнь Жунь взглянул на тётушку Цуйхуа:

— Вы не пойдёте к дядюшке Яну отмечать праздник?

— Нет, не пойду, — покачала головой та. — На свои деньги я купила сестре и зятю новые одежды, детям тоже сшила. Новый год — время семейного воссоединения... Я... я лучше останусь здесь.

Она боялась, что её не захотят принять.

Даже если сестра и не имела таких мыслей, Цуйхуа всё равно переживала, что из-за неё сестре будет неловко в собственном доме.

Её жалование было небольшим, да и тратить особо не на что — все бонусы, которые давал Вэнь Жунь, она отправляла в дом Янов. Там для неё был настоящий дом — родительский.

Увидев её грусть, Вэнь Жуню стало тяжело на душе, и он больше не стал поднимать эту тему.

— Ну а сегодня мы вообще что будем делать? — спросил он, переводя разговор.

В доме остались только Вэнь Жунь, Ван Цзюэ, Ван Цзинь, Ван Мэй, жена Чэнь Цяна с сыном Чэнь Сюем и тётушка Цуйхуа.

Все двери и окна плотно закрыли — чтобы нечистая сила не проникла в дом.

— Сначала повесим изображения божеств-хранителей дверей, дуйлянь и иероглифы «фу», —

сказала жена Чэнь Цяна. — А мы с Чэнь Сюем займёмся на кухне. Вы с детьми идите во двор — поиграйте, запустите хлопущки, отгоните нечисть!

Обычно в доме царила суэта — ведь народу было много. Но теперь, когда сразу шестеро работников уехали домой, в доме словно выключили половину жизни.

Пусть даже перед отъездом они и заготовили дров до весны — всё равно не хватало ощущения живого тепла.

Вэнь Жуню ничего не оставалось, кроме как взять четверых детей и выйти во двор. Он нес с собой дуйлянь, изображения дверных божеств и иероглифы «фу».

— Поменяем дверных стражей! — с воодушевлением объявил он. — Помните стихотворение Ван Аньши «Юань жи»?

— Помним! — хором ответили трое детей.

— «Среди хлопков уходит старый год, Весенний ветер несёт тусу в дом. Тысячи дверей озаряет солнце, И все меняют старые персики на новые», — процитировал Вэнь Жунь, глядя на ещё вполне свежие изображения дверных божеств. — Пусть даже они и выглядят новыми, но ведь это прошлогодние! Заменяем!

На их воротах был специальный углублённый карман — как раз для того, чтобы вставить туда изображения дверных стражей.

Сами картинки были наклеены на тонкие бамбуковые дощечки и просто вставлялись в этот паз. Достаточно было зафиксировать их по краям — и готово.

Затем Вэнь Жунь взял парные надписи:

— Помните, какая из них верхняя строка?

— Конечно помним, гэфу! — улыбнулся Ван Цзюэ. — Вы же учили нас, когда писали.

— А вы знаете, что вообще такое дуйлянь? — неожиданно спросил Вэнь Жунь.

— А?.. — трое растерялись.

Ну как это — «что такое дуйлянь»? Это же... дуйлянь!

— Дуйлянь, — пояснил Вэнь Жунь, — также называют «дуйоу» (парные фразы), «мэньдуй»

(надписи на дверях), «чуньти» (весенние надписи), «чуньянь» (новогодние парные строки), «дуйцзы» или «инлянь» (надписи на колоннах). Это парные фразы, написанные на бумаге или ткани, а иногда вырезанные на бамбуке, дереве или каменных столбах. Они строго симметричны, ритмически сбалансированы и подчиняются правилам тональности — это уникальная художественная форма китайского языка, где каждый иероглиф — отдельный звук. Проще говоря, это парные фразы, всегда идущие парами: есть верхняя строка — значит, обязательно есть и нижняя. Это своего рода литературная игра, очень увлекательная.

Трое подростков задумчиво кивнули, усваивая новое знание.

<http://bllate.org/book/15642/1398076>